

РУССКИЙ ДАНТ

АД И РАЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

У Данте было смуглое лицо, и когда он шел по улице Вероны, люди указывали на него и говорили: «Посмотрите, его лицо обожжено адским пламенем, оно почернело от адского огня. Это тот самый Данте, что спускался в ад и приносил оттуда вести!»

Нисхождение в ад или ад — древний мистический сюжет. Ад в древнегреческой мифологии — владыка царства мертвых и само его царство. На всю Грецию был единственный храм Аида, который открывался один раз в год, поскольку люди только раз спускаются в царство мертвых. В тот единственный день в году в храм аида разрешалось входить только священникам. Лишь избранные могли спускаться в ад: гений Орфей пытался вывести оттуда Эвридику, а герой Одиссей стремился вынести из земли тень тайну спасения Итаки. Орфей сладкозвучный терпит неудачу: его история говорит о том, что человек в языческом мире умирает безвозвратно. Одиссей хитроумный достигает цели: он встречает Тиресию, оракула Аполлона, который открывает ему «способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть». Одиссей, в отличие от Орфея, спускается в ад не за людьми, а за тайным знанием — за мудростью, которая просветила бы его на пути домой. Так в древнегреческой мифологии в ад входят священник, гений и герой: дух, талант и мужество человека.

Цель их путешествия в пределы аида — служение богу, спасение человека и возвращение Родины.

В христианстве Сам Бог спускается в ад, и делает это сразу после Своей Крестной смерти. Он считает это первейшим делом спасения. Иисус Христос впервые выводит людей из страны мертвых и дарует им вновь обретенную Родину человечества — рай, где они отныне обретают блаженство. Три мифологических мотива в сюжете о нисхождении в ад — служение богу, спасение человека и обретение родины — получают новое триумфальное завершение: Бог Сын осуществляет волю Бога Отца, спасает человечество, выводит из ада праведников и возвращает им небесную Родину.

* * *

Сюжет о нисхождении в ад лежит в основе художественного мира Достоевского. Он и есть тот избранный гений — русский Орфей — который спускается в царство мертвых, чтобы вывести оттуда любимого человека (для Достоевского — человека как такового). Он и есть тот избранный герой — русский Одиссей — который мечтает о возвращении русским их духовной Родины — «всечеловечной и всесоединяющей» во Христе. Он — русский Дант,

который провел нас по кругам душевного ада и чистилища, дабы мы поднялись к райским кущам и повтори́ли с верой за ним: «Буди, буди!».

Данте, как человек, спускавшийся в ад, вызывал уважение, страх и отвращение. ореол уважения и отвращения окружал и имя Достоевского. «Певец версильщины и свидригайловщины», «безумец, пишущий о безумцах», он был Дантом, приносящим вести из ада души. Он широко открыл дверь и пригласил всех спуститься с ним во мрак, где царят пороки и преступления. Охотников следовать за Достоевским, несмотря на мировое признание его гения, немного. Многие ли из нас признаются, что с любовью и желанием протягивают руку во тому Достоевского? Бердяев делил человечество «на людей Достоевского и людей, чуждых его духу». Страхов делил читателей «Преступления и наказания» на людей со здоровыми и слабыми нервами. «Охотники до чтения», писал он, жаловались «на тяжелое впечатление, от которого люди со здоровыми нервами почти заболели, а люди со слабыми нервами принуждены были оставлять чтение»¹.

В наше время водораздел пройдет между читающими Достоевского и избегающими его. Можно понять «избегающих», так как читать Достоевского

трудно и страшно. Открыть его книгу порой так же непросто, как отворить дверь в комнату, где лежит тяжело больной человек. Сегодня Достоевский — желанное чтение для избранного круга читателей, для большинства же его книги входят в круг чтения должного. И в этом долженствовании — в том, что каждый образованный современный человек должен в той или иной степени пройти путем Достоевского — большое сокровище нашей культуры. Открывая дверь в «дом Достоевского», мы, образно говоря, оказываемся перед лестницей, ведущей вниз, по которой должны подняться ввысь.

Мы не находим у Достоевского материальной детализированной картины ада и потусторонних кар, которыми изобиловали античные сказания, средневековые апокрифы и «Божественная комедия» Данте. Великий флорентиец во многом обобщил и детализировал то материально-чувственное представление об аде, согласно которому род наказания соответствует роду преступления и в котором царит строгий закон воздаяния, более напоминающий ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб», чем новозаветный дух прощения и любви. Материальная детализация в целом не характерна для Достоевского. Предметный мир скупо представлен в его произведениях: лаконичен как пейзаж, так и портретные характеристики. Мир переносится внутрь сознания и там разворачивает свою духовную вертикаль: ад, чистилище или мытарства, и — рай.

Достоевский, «отправляясь» впервые в странствие по «подполью» жизни, иронизирует над самим собой, опережая замечания критиков. Эпиграфом к своему первому роману «Бедные люди» он выбирает слова князя В.Ф.Одоевского: «Ох уж мне эти сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!»².

«Подноготную, вырытую в земле» Достоевским, можно условно разделить на три круга. Первый круг — это самая наша, как писал Достоевский, «адская жизнь», те тяжелые условия и страдания, которыми она наполнена, в широком христианском смысле — это мир, лежащий во зле. «Мне кажется, — пишет 27-летний Федор Михайлович брату, — мир принял значение отрицательное».³ Развернутой метафорой первого круга стал Петербург Достоевского, скученная и беспробудная жизнь которого напоминает дантовскую картину из четырнадцатой песни «Ада»:

Гравюры Гюстава Доре

¹ Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

² Достоевский Ф.М. Бедные люди // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 13.

³ Достоевский Ф.М. Письмо М.М.Достоевскому от 9 августа 1938 г. // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Л., 1985. С. 50.

Я видел толпы голых душ в пустыне
Все плакали в терзанье вековом,
Но разной обреченные судьбине.

Кто был повержен навзничь, вверх лицом,
Кто, съежившись, сидел на почве пыльной,
А кто сновал без усталости кругом.¹

(Перевод М.Лозинского)

Похожим по состоянию увидел Петербург Макара Девушкин: «Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными уныние наводящими лицами, пьяные мужики (...), какой-нибудь слесарный ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченном масле. На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками да с гнилыми яблоками, и все такие грязные, мокрые бабы. Скучно по Фотанке гулять! Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые, под ногами туман, над головой тоже туман»². Скученность и страдания, уродство и уныние, характерные для ада Данте и Достоевского, выписаны в традиционной inferнальной символике огня и воды. В «Преступления и наказания» inferнальная атмосфера усугубится тяжелыми запахами «особенной летней» «нестерпимой» вони.

Второй круг ада у Достоевского располагается в плоти и сердце человеческом, где бурлят страсти. Если в первом круге — скученность, нищета, уродство, нестерпимая жара и вонь, то во втором — все в движении, кипит и клокочет. Здесь вовсе «не скучно гулять», наоборот, часто бывает весело, но веселье, в которое погружаются, к примеру, Митя Карамазов или Рогожин, замешено на отчаянии. Во втором круге царит хаос и буря. «Насекомым — сладострастье!» — в исповеди-вызове кричит Митя, — «это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладострастье буря, больше бури!»³ Символом «второго круга» Митя называет ядовитую фалангу. Сладострастье — это хищное и ядовитое существо, которое «жалит» и тем самым оскверняет невинность. Галерея сладострастников у Достоевского выразительно отвратительна, образ искусителя вырастает в губителя чистой девы: барин и девочка на бульваре, Свидригайлов и Дуняша, Свидригайлов и его юная невеста, Федор Павлович Карамазов и целый ряд жертв, Ставрогин и Матреша... Список можно продолжать и продолжать... Второй круг — это царство эроса и отчаяния, грозящего смертью. Алеша, после исповеди Мити, которая и провела их по второму кругу ада, кричит брату: «Митя, ты несчастен, да! Но все же не

Христос и Инквизитор. Иллюстрация Ильи Глазунова

столько, сколько ты думаешь — не убивай себя отчаянием, не убивай!»⁴

Третий круг ада — самый глубокий у Достоевского. Он включает в себя сферу оправдания зла, которая располагается в разуме человека. Среди апологий зла теории Раскольникова, Ивана Карамазова, Николая Ставрогина, Инквизитора. В третьем круге «Премудрого змия» (так называется одна из глав в романе «Бесы») люди прямо встречаются с темными силами преисподней: нечистый нашептывает циничные мысли на ухо Раскольникову и прямо является Ивану Карамазову, бесы водят по кругу «поджигателей-революционеров». В «Повести об Инквизиторе», похоже, сам владыка ада является в роли лже-спасителя, антихриста.

В «Бесах» прозревший перед смертью Степан Трофимович Верховенский, потрясенный чтением отрывка из Евангелия об исцелении бесноватого, восклицает: «Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! Qui, cette Russie, qui j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... et la autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»⁵

¹ Данте А. Божественная комедия: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 119.

² Достоевский Ф.М. Бедные люди // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. С. 85.

³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 100.

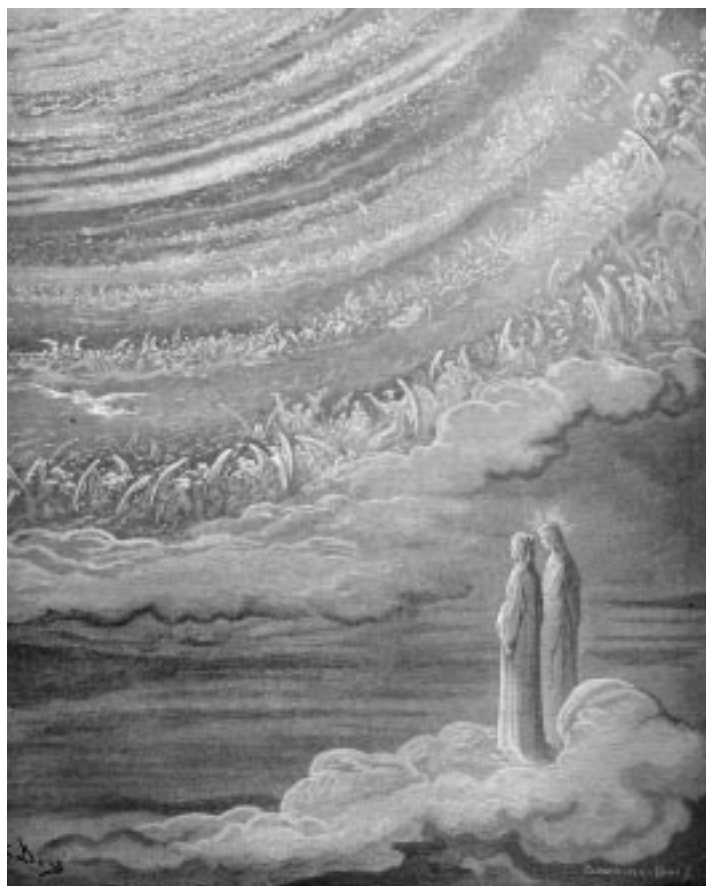
⁴ Там же. С. 100.

⁵ Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 499.

Третий круг — это мир-перевертыш: для того, чтобы возвыситься в нем, нужно как можно ниже упасть: для того чтобы «подняться» над «тварями дрожащими» — нужно пролить человеческую кровь. В третьем круге ада нет понятия о грехе. Грех становится добродетелью. «Знаешь ли ты, что пройдут века, — говорит Инквизитор Иисусу Христу, — и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха»¹. Символами этого уровня у Достоевского становятся топор и кровь.

Поскольку зло находит оправдание в мудрованиях разума, то в третьем круге ада очень много слов: много и путанно, вслух и про себя, говорят Раскольников, Дмитрий и Иван Карамазовы, бесконечные разговоры ведутся в «Бесах». Ложь многословна — истина безмолвна.

Перед тем как приступить к «Повести об Инквизиторе» Иван предупреждает Алешу, что Иисус Христос в его поэме ничего не говорит, только «показывается и проходит». После многословной речи, когда «Инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник ему ответит. Ему тяжело Его молчание. Он видел, что узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать...»². А затем «он вдруг приб-

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14 Л., 1976. С. 230.

лижается к старику и тихо целует его в его бескров-ные девяностолетние уста»³. Бескровные старые уста — метафора мертвенности тех, кто живет в стране теней и мертвых душ.

Райское тихое состояние души Спасителя позволяет ему глазами, полными любви, увидеть образ Божий в Инквизиторе под спудом лжи и ненависти. Иначе кого он целует в бескровные уста, как не любимое, но заблудившееся чадо? Способностью видеть светлое в человеке под спудом темных греховных наслоений обладают Макар Девушкин и князь Мышкин, Соня Мармеладова, Алеша Карамазов и старец Зосима. Князь Мышкин сразу видит Ипаго Деи в Настасье Филипповне и чистым взглядом своим, полным любви, «выводит» ее из ада жизни. «Вы страдали, — говорит он ей, — и из такого ада чистая вышла». Настасья Филипповна, в глазах князя, «вышла из ада» через чистилище страданий. Этот «выход» совершился в душе и любви князя и заставил Настасью Филипповну с ужасом взглянуть на недавно привычный для нее «ад».

Достоевский особенно любил икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость», название которой можно рассматривать как метафору пути в рай (к радости) через скорби, в которой заложена христианская концепция жизни как крестного пути — через страдания к блаженству, через скорби — к радости.

Князь Мышкин способен видеть образ Божий не только в людях, но и во всем окружающем его мире. При этом он боится говорить о красоте мира (многословие у Достоевского маркировано как отрицательная черта). «Слушайте! Я знаю, что говорить нехорошо: лучше просто пример. О, что такое мое горе и беда, если я в силах быть счастливым. Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божью зарю, посмотрите на травку как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и любят...»⁴ Так, видимо, смотрят глаза Христа на Инквизитора, «даже самого потерявшегося человека», и под любящим взглядом Спасителя что-то изменяется в душе Инквизитора, он в конце концов тоже оказывается способным увидеть Христа... и отпускает Его на «темные стогна града».

Рай, небесный мир, открывается героям Достоевского как видение, откровение. А.Б.Криницын в замечательном глубоком исследовании «Исповедь подпольного человека» посвящает отдельную главу «специфике визуального мира Достоевского и семантике «видений», где в частности обращается к «Петербургским сновидениям», в которых повествователь

² Там же. С. 239.

³ Там же.

⁴ Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. Л., 1973. С.65.

